

О ДИСКУССИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И П. Д. ЮРКЕВИЧА («СТЕНЫ И МОСТЫ» В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В XIX В.)

«WALLS AND BRIDGES» IN HISTORY OF DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE IN XIX CENTURY: DISCUSSION BETWEEN N. G. CHERNYSHEVSKY AND P. D. YURKEVICH

A. Kostrigin

Abstract. This paper considers the scientific discussion between philosophers N. G. Chernyshevsky (1828–1889) and P. D. Yurkevich (1827–1874) relating to the foundations of psychological research and knowledge. There are central problems of psychology inside discussions of the XIX century: subject, methods, objectives of psychology, psychophysiological problem, the ratio of physiological and psychic phenomena in human, etc. The author used a metaphorical approach to the methodology of science, contained in the works of V. A. Mazilov, for analysis of the views of scientists.

Keywords: methodology of psychology, metaphor, history of psychology, XIX century, Chernyshevsky, Yurkevich, discussion, anthropological approach, religious and philosophical approach.

Костригин Артем Андреевич

Старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; преподаватель Московского государственного университета дизайна и технологии; аспирант, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Россия); Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
artdzen@gmail.com

Аннотация. В работе рассматривается научная дискуссия философов Н. Г. Чернышевского (1828–1889) и П. Д. Юркевича (1827–1874), касающаяся основ психологического исследования и знания. В дискуссии затрагиваются центральные для XIX в. проблемы в области психологии: предмет, методы, задачи психологии, психофизиологическая проблема, соотношение физиологических и душевных явлений в человеке и др. Для анализа взглядов ученых используется метафорический подход к методологии науки, изложенный в работах В. А. Мазилова.

Ключевые слова: методология психологии, метафора, история психологии, XIX в., Чернышевский, Юркевич, дискуссия, антропологический подход, религиозно-философский подход.

«<...> стена зачастую просто необходима либо для созидания нового, либо для его сохранения, защиты от врагов, настоящих или мнимых. К тому же многое зависит от того, где стена возводится: в степи, на окраине империи, или посредине шумного многолюдного города» [16, с. 27].

«Когда стоишь на мосту и долго смотришь вниз, иногда начинает кружиться голова. Возможно, это происходит потому, что за высотой пространственной угадывается другая, непространственная, которую нельзя измерить ни в футах, ни в метрах и имя которой — Бездна... Бездна разделяет несоединимое. <...> А мост соединяет несоединимое. Поэтому прогулка по мосту всегда опасна (не только по мосту короля Людовика Святого!), это всегда путешествие над Бездной... И высота моста не главное...» [16, с. 31–32].

«<...> методология может быть уподоблена мостостроению» [16, с. 32].

«<...> камень куда ближе к вечности, чем кирпич...» [16, с. 42].

«<...> подлинный предмет психологии можно уподобить камню. И тогда основная проблема психологии будет состоять в том, чтобы краеугольный камень науки не оказался подмененным каким-нибудь кирпичом...» [16, с. 46]

Введение

Становление психологической науки происходило на протяжении всего XIX в. В этом процессе участвовало множество ученых из самых различных областей: философии, богословия, физиологии, литературы и др.

Мыслители пытались, с одной стороны, возвести мощные, надежные стены и перекинуть удобные, широкие мосты на границах психологии с другими научными дисциплинами. Само понятие междисциплинарности еще не существовало, но уже была потребность в ее использовании: споры об истинном предмете психологии, о методах, руководящем принципе и теории при трактовке результатов, в конечном итоге, всей методологии приводили к кризису в психологической

науке на рубеже веков, о котором написано немало [1; 4; 6; 13; 15; 17].

Метафорический подход к пониманию методологии науки, выраженный в эпиграфе и в работах методолога психологии Владимира Александровича Мазилова [14; 16], позволяют по-новому взглянуть на становление психологии как науки: это становление выражалось именно как процесс архитектурный, как процесс возведения стен между психологией и другими науками (что очень актуально для психологических исследований) и установления мостов в нужных местах, где взаимодействие просто необходимо, где отсутствие связей приведет к замыканию на себе, к абсолютизации и редукции предмета психологии.

Так, показательным явлением в «архитектурном» развитии истории психологии XIX в. являются дискуссии относительно научных работ, которые выражались не только в констатации факта публикации той или иной работы, но приводили к широкому выражению авторского мнения по определенному вопросу, иногда даже превосходящего по объему тот текст, к которому писался комментарий. Такие дискуссии проходили, как правило, в журналах: «Современник», «Отечественные записки», «Журнал Министерства Народного Просвещения», «Вопросы философии и психологии», «Православный собеседник», «Вера и Разум», «Русская мысль», «Вестник Европы» и др. (Мимоходом стоит упомянуть, что очень сложно сейчас работать с этими журналами, т.к. указатели статей к этим журналам практически не переиздавались с дореволюционных времен [5]). В статьях этих журналов затрагиваются центральные для XIX в. проблемы в области психологии: предмет, методы, задачи психологии, психофизиологическая проблема, соотношение физиологических и душевных явлений в человеке и др. [2; 3; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 18]

В данной работе мы сосредоточимся лишь на одной дискуссии, тем не менее, охватывающей весь спектр психологических проблем XIX столетия: дискуссия между Н.Г. Чернышевским и П.Д. Юркевичем, которую можно назвать одной из значимых в научном дискурсе становления психологии как самостоятельной дисциплины.

Дискуссия

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889), публицист, философ, литературный критик, в статье «Антропологический принцип в философии» (1860) [19; 20] (опубликованной в журнале «Современник») провозглашает следующий подход к изучению человека: анализ должен исходить из рассмотрения человеческого организма целиком, а не разделяя его

на части, на «натуры». «Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека. Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия; эти науки доказывают, что никакого дуализма в человеке не видно, а философия прибавляет, что если бы человек имел, кроме реальной своей природы, другую природу, то эта другая природа непременно обнаружилась бы в чем-нибудь, и так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее и проявляющееся в человеке происходит по одной реальной его природе, то другой природы в нем нет» [19, с. 349].

Н.Г. Чернышевский предлагает объяснять многие нравственные, метафизические вопросы с помощью естественных наук, развитие которых и составляет развитие в целом всей науки. Например, рассматривая выражение «праздность приятна, а труд не приятен» (которое, по его мнению, сформулировала метафизика), он считает, что, если анализировать его с помощью естественнонаучного метода, можно доказать его ошибочность и вывести иное правило жизни. Приятность — это ощущение, а всякое ощущение происходит из деятельности в организме. Следственно, в предложенном утверждении есть ошибка: праздность (как бездействие) не может приносить приятного ощущения, но труд (как деятельность организма) приносит удовольствие. Н.Г. Чернышевский видит в этом заслугу естественных наук (в частности, физиологии), которые оперируют материальными предметами, в отличие от умозрительных наук, таких как психология или метафизика.

Или другой пример. Возвышенные поступки человека, такие как самопожертвование, забота о других — их тоже можно объяснить с помощью физиологии. Есть закон — человек стремится к удовлетворению своих потребностей, т.е. получению приятных ощущений. И действие — самопожертвование — на самом деле, тоже несет в себе получение приятного ощущения, т.е. оно преобразуется в эгоизм, заботу о себе.

Философ критикует умозрительную психологию в постановке совсем лишних, неважных для общества вопросов. «Психология, например, открывает следующий факт: при слабом умственном развитии человек не в состоянии понимать жизни, различной от его собственной жизни; чем сильнее развивается его ум, тем легче ему представляет себе жизнь не похожую на его жизнь. Как объяснить этот факт? При нынешнем состоянии науки строго научного ответа еще не найдено, а существуют только разные догадки. Скажите теперь,

кому из людей незнакомых с нынешним состоянием психологии приходил в голову такой вопрос? Почти никто кроме ученых даже не замечал и факта, к которому относится этот вопрос» [20, с. 9]

В конечном итоге, «антропологический принцип в нравственных науках» заключается в том, что «на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам, чтобы рассматривать каждую сторону деятельности человека, как деятельность или всего его организма, от головы до ног включительно, или если она оказывается специальным отпадением какого-нибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривать этот орган в его натуральной связи со всем организмом» [20, с. 43].

В ответ на эту статью была написана работа Памфила Даниловича Юркевича (1827–1874), философа, в то время (1860 г.) профессора Киевской духовной академии, «Из науки о человеческом духе», которая была опубликована в «Трудах Киевской духовной академии» [21].

Дискурс П. Д. Юркевича разительно отличается от такового у Н. Г. Чернышевского; первый относится к философско-психологическому направлению, поэтому и рассуждения его носят субъективный и идеалистический характер. «Когда психолог спрашивает, что такое душа, то здесь самый субъект не представляется как вещь, на которую можно указать, душа не открывается его наблюдению в готовом и неподвижном образе вещи, следовательно, там, где естественные науки отсылают нас к простому воззрению, не представляющему никаких научных затруднений, психолог уже вынужден свойствами своего предмета делать анализы, соображения и теоретические выводы, которые во всяком разе не могут равняться по степени своей достоверности с понудительною силою несомненных для каждого опытов» [21, с. 368].

Киевский профессор направляет наше размышление в сторону самонаблюдения, через что только и можно раскрыть сущность души. Сама же душа настолько неуловима, независима, гибка, ее невозможно уложить в жесткие рамки естественнонаучного закона. «Тысячи чувствований, стремлений, представлений, понятий и идей, привычек, наклонностей и страстей выныряют на поверхность сознания неожиданно и без нашего ведома, сочетаются или пересекаются в различных отношениях, определяют нашу деятельность, наш взгляд на людей и обстоятельства, наши симпатии и антипатии, наше ежеминутное душенастроение,— и все это разнообразие явлений, из которых каждое

хочет сказать нам, по-своему, что такое душа, происходит от причин и условий, изменяющихся до бесконечности. Самое простое и плодотворное правило индуктивной методы, что одинаковые изменения указывают на одинаковые причины, должно быть применяемо в этой жизненной области с большою осторожностью: потому что кто докажет, что здесь вообще можно встретить одинаковые изменения, что в различные времена дух может переживать одинаковые состояния, возвращаться на прежние пункты, подобно Солнечной системе?» [21, с. 369].

Однако такой подход не относится к идеализму, который спрашивает «каким образом из общей идеи мира выходит разумность и необходимость тех явлений, совокупность которых мы называем душевною жизнью, как относятся эти явления к общему смыслу или к идеальному содержанию мира явлений?» [21, с. 370]. Такой подход именуется ученым эмпирической психологией, задача которой «изучить феноменальные законы и формы душевной жизни, необходимо познать душевные явления в их фактической необходимости, то есть в их взаимном сплетении и сочетании, по их образованию и выходу одного из другого под влиянием опытно дознаваемых причин и условий» [21, с. 372–373]. И в этом есть подобие психологии естественным наукам.

Но, по мнению П. Д. Юркевича, не все ученые так представляют себе задачу психологии. К таковым он относит и Н. Г. Чернышевского. П. Д. Юркевич отмечает достоинства работы автора: определяет его философию как философию реализма и считает, что богословские науки нуждаются в некоторых сильных сторонах этого направления. Но П. Д. Юркевич видит и недостатки его идей.

Во-первых, это психологический или нравственный физиологизм. «Психология не может получать своего материала ниоткуда, кроме внутреннего опыта. Ощущения или представления, чувствования и стремления суть такой материал, которого вы нигде не отыщете во внешнем опыте и, следовательно, ни в какой области естествознания» [21, с. 377–378]. «Предмет психологии дан во внутреннем самовоззрении, естественные науки не могут дать ей этого предмета, не могут увеличивать этого материала» [21, с. 378].

Во-вторых, отрицание гносеологического дуализма в изучении человека. Хотя философия избавилась от метафизического дуализма (в платоновском варианте), но все еще остается дуализм знания: «Сколько бы мы ни толковали о единстве человеческого организма, всегда мы будем познавать человеческое существо двояко: внешними чувствами — тело и его органы

и внутренним чувством — душевные явления. В первом случае мы будем иметь физиологическое познание о человеческом теле, а во втором — психологическое познание о человеческом духе» [21, с. 384].

И далее: «<...> учение нынешних физиологов о том, что ощущение души есть не что иное, как движение нервов, основано именно на <...> превращении необходимой зависимости явлений в их тождество» [21, с. 386–387].

В-третьих, П. Д. Юркевич не соглашается с мыслью Чернышевского о равенстве человеческой и животной души. Он говорит: «Особенности, которыми отличается душа человеческая от души животной, вытекают отсюда сами собою. Назначение человека и его достоинство не исчерпываются его безотчетным служением целям рода; женщина, например, еще не соответствует своей идее только потому, что она рождает детей и таким образом поддерживает существование человеческого рода: в этом служении идее рода она должна осуществить идею человека, она должна обнаружить свое достоинство не как самка, а как человек. Человеческий дух есть не родовый, а личный, не связанный неотразимыми влечениями, а свободный; его действия не суть простые события, определенные идеей рода, а поступки, которые он вменяет себе, как личную вину и личную заслугу. Человеческий дух, как говорит один современный философ, есть своя собственная идея, а не идея рода; от этого он способен к индивидуальному развитию, к свободному избранию и к свободной постановке целей жизни и деятельности. Как богоподобный, он развивается под нравственными идеями, а не только под физическими влечениями» [21, с. 426]. П. Д. Юркевич вкладывает несколько религиозное понимание человека в свой психологический подход.

Наконец, киевский философ касается нравственных позиций Н. Г. Чернышевского. В отличие от взгляда на нравственность как на деятельность по достижению приятного и избеганию неприятного, подход П. Д. Юркевича оправдывает нравственную сторону человека. «Человек имеет склонность, привычку, способность — образовавшуюся или прирожденную — оценивать еще самые эти желания, которые — заметим еще раз — все одинаково направлены на достижение приятного или полезного. Как он имеет знание знания, так он имеет (мы позволим себе неупотребительное выражение) желание желанного, то есть он не только желает приятного и полезного, как и другие животные, но еще желает, чтобы самое это желание достигало своей цели средствами общегодными, имеющими достоинство в себе, а не только в том удовольствии или в той пользе, к какой стремится желание в своей непосредственности, по своей физической, не от нас зави-

сящей натуре» [21, с. 468]. Источники нравственности могут быть различны — авторитет, традиции, совесть и др.

И далее о религиозной стороне нравственности: «<...> удовольствие, удовлетворение, следовательно, добро или благо, счастье или, пожалуй, польза суть неотделимые мотивы человеческих поступков. Чистейшая христианская нравственность указывает человеку на благо, которое он должен найти в Боге: радость или светлое настроение духа в настоящем, надежда в будущем, блаженство в вечности — таковы состояния, неразлучные с этой нравственной деятельностью» [21, с. 477].

Эгоизм в человеке П. Д. Юркевич не порицает, а растолковывает по-иному: «Эгоизм не в том состоит, что мы не выключаем себя и нашего счастья из нашей деятельности, но в том, что мы выключаем из этой деятельности других людей и их счастье или смотрим на них при этом только как на средство нашего счастья» [21, с. 501].

Заключение

Обращаясь к метафорической терминологии, скажем, что в данной дискуссии мы видели попытки постройки «стен» и «мостов» психологической науки. Так, Н. Г. Чернышевский «забаррикадировал» психологию внутри физиологии и антропологии, лишив ее всяких мостов-связей с религией и идеалистическими взглядами. Хотя философ и пользуется «запретными» терминами других «зданий» научных дисциплин («нравственность», «добро», «зло», «ощущения», «чувства», «мысли»), но они звучат в стенах антропологической философии совсем обесцвечено, и их не услышат их сторонники.

Напротив, П. Д. Юркевич если и строит какие-то стены, то они выглядят как перегородки, небольшие ограждения, которые всего лишь показывают границы территории, границы «дискурса». Он впускает многих в психологическую науку, взаимодействует со всеми, не отказывает в достижениях религии и физиологии на психологическом поприще. Здесь даже не нужны мосты: кажется, что мы все живем на одной земле, нас ничто не разделяет, только все имеют свои дома. И его дом называется эмпирической психологией. Такая постановка науки позволяет ей развиваться во многих направлениях.

Трудно сказать, кто прав, а кто нет: обе методологии имели своих сторонников, как имеют и современных нам последователей. И вопрос остается не разрешенным: строить стены и мосты или нет?..

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь. 2003. 364 с.
2. Антонович М. А. Два типа современных философов // Современник. 1861. № 4. С. 349–418.
3. Антонович М. А. Современная физиология и философия // Современник. 1862. № 2. С. 227–266.
4. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания; методологические проблемы неклассической психологии. М.: «Смысл», 2002. 480 с.
5. Бакшутова Е. В. Русская мысль: ежемес. лит.-полит. изд.: хронол.-темат. указ. содерж. 1880–1918. Самара, 2004. 386 с.
6. Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического скзиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40
7. Владиславлев М. И. Зависимость немецкой философии от английской (По поводу сочинения г. Троицкого: «Немецкая психология в текущем столетии») // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1867. Ч. 135. С. 174–208.
8. Гогоцкий С. С. Несколько мыслей по поводу сочинения: «Немецкая психология в текущем столетии, историческое и критическое исследование, с предварительным очерком успехов психологии времен Бэкона и Локка» М. Троицкого. — Москва, 1867.
9. Кавелин К. Д. Немецкая современная психология // Собр. соч.: в 4 т. СПб., 1899. Т. 3. С. 365–374
10. Костригин А. А. Критика современников работы М. М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии» (1867) // Парадигма. 2016. № 2. С. 651–656.
11. Костригин А. А., Кирпичева Ю. В. Публицист М. А. Антонович об определении понятия «Душа» в «Философском лексиконе» (1861) философа С. С. Гогоцкого // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 1. С. 41–54.
12. Костригин А. А., Мироненко И. А., Чупров Л. Ф. Дискуссия по статье А. Яницкого «Сталинская модель науки: история и современность российской психологии» // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 430–439.
13. Мазилев В. А. История психологии и философия психологии: необходимо взаимодействие // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 2. С. 94–100.
14. Мазилев В. А. Методология современной отечественной психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 3. С. 9–24.
15. Мазилев В. А. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 61–85.
16. Мазилев В. А. Стены и мосты: методология психологической науки. Ижевск: ERGO, 2015. 196 с.
17. Мазилев В. А., Костригин А. А. Психология в системе философского знания XIX в.: богословская традиция // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия IV: «Педагогика. Психология». 2016. № 3 (42). С. 97–111.
18. Салтыков-Щедрин М. Е., Антонович М. А. Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче, или искание розы без шипов // Свисток. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863 гг. М.: Наука, 1981. С. 293–303.
19. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии // Современник. 1860. № 4. С. 329–366.
20. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии // Современник. 1860. № 5. С. 1–46.
21. Юркевич П. Д. Из науки о человеческом духе // Труды Киевской духовной академии. 1861. С. 367–511

© Костригин Артем Андреевич (artdzen@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

